

© 2017 г.

К.С. БЕЛЬСКИЙ

ЗАБЫТЫЙ “ПАТРИАРХ” СОВЕТСКОЙ НАУКИ ФИНАНСОВОГО ПРАВА (К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.А. ГУРВИЧА)

Бельский Константин Степанович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия) (+ 7 (495) 461-99-72).

Belsky Konstantin S. — Doctor of Law, Professor, professor of the department of Financial Law of the Russian state University of justice (Moscow, Russia) (+ 7 (495) 461-99-72).

Аннотация: в статье анализируется научная деятельность М.А. Гурвича в области финансового права.

Abstract: the article analyzes the scientific activities of M.A. Gurvich in the field of Financial Law.

Ключевые слова: М.А. Гурвич, финансовая деятельность государства, финансовое право, эмиссионное право Госбанка, исполнение бюджета.

Key words: M. A. Gurvich, financial activities of the state, Finance Law, Equity Law of the state Bank, the execution of the budget.

“Так и мы, рассуждая о человеке,
говорим о нем и низкое, и высокое”.

Иоанн Златоуст. Беседы

Необходимость биографического анализа и, соответственно, воспроизведение жизненной судьбы давно умершего ученого возникают по разным причинам. Одна из них заключается в том, что современники ученого не оценили справедливо его заслуг и незаслуженно забыли, хотя в своих работах, учебниках и статьях используют его положения и концепты. Такое отношение к ученому можно назвать неблагодарностью. Между тем Кант в своей “Антропологии” назвал человеческие черты, которые, по его мнению, являются наиболее подлыми: неблагодарность, зависть и злорадство. Одна из причин биографического анализа оказывается задачей обратной проблематизации. Говоря проще: задачей написания биографии человека, в которой описываются его жизнь, работа, научная деятельность, его заслуги перед наукой. Биографии такого человека посвящена настоящая статья. Это — Михаил Абрамович Гурвич, видный специалист и ученый в области финансов и финансового права в СССР.

Окайнные десятилетия в истории науки финансового права. Сопоставляя во времени дореволюционную науку финансового права, стартовавшую официально в 1863 г. и завершившую свою историю фактически в 1919 г., когда все кафедры финансового права и сама наука были закрыты, с наукой финансового права, развивавшейся в первые

два десятилетия советской власти, нужно признать, что у каждой из них в процессе развития имело место разное “самочувствие”. Становление первой было относительно свободным и ровным по моделям стран Западной Европы, прежде всего Германии, Франции и Англии. Царская наука финансового права, двигаясь вперед быстрыми темпами и догоняя западноевропейские страны, стремительно прирастала талантливыми профессорами — авторами содержательных учебников и монографических работ по финансовому праву. Достаточно назвать имена В.А. Лебедева, И.И. Янжула, И.Т. Тарасова, С.И. Иловайского, И.Х. Озерова и др.

Становление науки финансового права в советское время было трудным, даже мучительным: ей приходилось приспосабливаться к марксистской идеологии и капризам тоталитарного режима, который не мог правильно просчитывать свои последующие шаги. Науку финансового права дважды изгоняли из учебных программ. Первый раз это произошло в 1919 г. в период военного коммунизма, когда “рынок”, “финансы”, “деньги” были объявлены большевиками инструментами буржуазной экономики, а само денежное обращение фактически прекратилось. Новая экономическая политика 20-х годов потребовала возвращения к денежному хозяйству, отказа от утопического взгляда на финансы

и введения в учебные программы юридических факультетов дисциплины “финансовое право”.

Вторично наука финансового права подверглась гонениям на рубеже 20–30-х годов. Хотя нэп заставил руководителей Советского государства относиться положительно к таким понятиям, как “право”, “закон”, “финансы”, в действительности у последователей Маркса и Ленина отношение к праву было если не отрицательным, то сдержанным. “Релятивистский” подход к праву создавал почву, на которой сталинское руководство в процессе ускоренного социалистического строительства, в погоне за выполнением пятилетнего плана в четыре или даже в три года могло легко нарушать финансовое законодательство, в первую очередь бюджетное и налоговое. В атмосфере нигилистического отношения к праву, и финансовому праву в особенности, в январе 1931 г. состоялся первый Всесоюзный съезд марксистов-государственников, на котором была принята резолюция о признании финансово-правовой науки “буржуазной” и исключении ее из учебных программ юридических учебных заведений.

На съезде выступил член Политбюро Л.М. Каганович, речь которого была направлена против “буржуазных специалистов”. “У нас выработалась своеобразная порода старых буржуазных юристов, которые, оставаясь на позициях своей буржуазной методологии, буржуазной идеологии, отрицая по своему нутру социалистическую государственность, прекраснейшим образом ухитряются писать о советской конституции, оставаясь при этом на почве старой юридической методологии, на почве буржуазной идеологии”¹. Выступление партийного вельможи явилось сигналом для увольнения из вузов в начале 30-х годов десятков и сотен “старых” специалистов-профессоров, значительная часть которых в последующее время, в 1937–1938 гг., попала под каток сталинских репрессий.

Однако во второй половине 30-х годов ряд факторов заставил советское руководство снова изменить отношение к правовой науке, в том числе к науке финансового права. В советской экономике возникла мощная управленческая пирамида с наркоматской системой наверху, которая обслуживала тысячи промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Прогнозы социалистов, в частности В.И. Ленина, что это будет “одна контора и одна фабрика”, функционирующая слаженно как часы, без

денег, т.е. без бюджетного планирования и бухучета, не сбылись². Опыт хозяйственной работы заставил И. В. Сталина поправить В.И. Ленина с его фантазиями и сказать: “Деньги останутся у нас еще долго, вплоть до завершения первой стадии коммунизма, — социалистической стадии развития..., деньги являются тем инструментом буржуазной экономики, который взяла в свои руки Советская власть и приспособила к интересам социализма”³.

В сложившихся условиях необходимость в финансовом праве как отрасли правоведения и учебной дисциплины становилась очевидной, так как финансово-правовые знания были нужны управленцам как рыночной экономики в странах Западной Европы и Америки, так и плановой экономики в СССР, тем, кто обслуживал советскую сверхцентрализованную систему управления.

Возвращение в учебные программы финансового права и других юридических дисциплин (государственного, административного права), подвергшихся идеологическому шельмованию, требовало времени и решения комплекса вопросов. Прежде всего поворот советского руководства к праву, к его преподаванию в высших учебных заведениях предопределил принятие ЦИК и Совнаркомом постановления “О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования” от 5 марта 1935 г., в котором предлагалось наряду с юридическими факультетами в университетах открывать в стране юридические вузы⁴.

Важное значение в возвращении науки финансового права сыграло первое Всесоюзное совещание по вопросам науки советского государства и права, которое было проведено в июле 1938 г. тогдашним Генеральным прокурором СССР А. Я. Вышинским. В своей речи он, по сути, осуществил “переоценку ценностей” в марксистской доктрине права, подчеркнув важную роль социалистического права в построении Советского государства и реабилитировав наряду с административным правом родственное ему финансовое право как отрасль советского права⁵. В связи с тем, что финансовое право как отрасль юридической науки и как учебная дисциплина вошло в учебные программы высших и средних учебных заведений, возникли следующие задачи, которые необходимо было решать: кадровая, предполагавшая создание советского профессорско-преподавательского корпуса; разработка

¹ Резолюция первого Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана // Сов. гос. и революция права. 1931. № 3. С. 146.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

³ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 462.

⁴ См.: Собрание законов и распоряжений Правительства СССР. 1935. № 13. Ст. 99.

⁵ См.: Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад А. Я. Вышинского. М., 1938. С. 48.

советской программы финансового права; написание советского учебника финансового права.

Кадровый вопрос являлся наиболее острым. К концу 30-х годов, за 20 лет Советской власти, из “старых” специалистов по финансовому праву никого почти не осталось. Многие были репрессированы. И.Х. Озеров — один из ведущих финансистов и финансистов-юристов дореволюционной России во второй половине 20-х годов, якобы причастный к так называемому “академическому делу”, в 1931–1933 гг. прошел через Соловецкие лагеря, был затем реабилитирован и как ученый уже ничем не проявил себя⁶. Профессор С.А. Котляревский, блестящий историк и теоретик права, после ареста преподававший в Московском университете неполитизированную дисциплину — финансовое право, по причине недоверия власти раньше времени был отправлен на пенсию (1931 г.). В 1938 г. снова арестован, а в 1939 г. расстрелян как “враг народа”⁷. В 1928 г. не вернулся в СССР из заграничной командировки видный специалист по бюджетному и налоговому праву П.П. Гензель. М.Д. Загряцков, который был не только крупным ученым-административистом, но также известным юристом-финансистом, издавшим в 20-е годы несколько монографий по финансовому праву, замолчал почти на 30 лет, постоянно ожидая ареста за свое эсеровское прошлое. В 30–40-е годы в библиографических списках работ по финансовому праву уже не найти фамилий видных ученых финансистов и юристов-финансистов, которые постоянно публиковались в 20-е годы: Д.В. Кузовкова, И.М. Кулишера, А.И. Буковецкого, Н.Н. Гобзы, Э.Э. Понтовича и др.

Кадровая проблема решалась с трудом, медленно, путем привлечения к преподавательской и научной деятельности финансистов и экономистов, которым сравнительно легче было сделать переход к освоению и преподаванию финансового права. Из видных, к тому времени известных финансистов такой переход был сделан доцентом М.А. Гурвичем и Н.Н. Ровинским. Успешно защитив в 1940 г. докторскую диссертацию на тему “Основные проблемы государственного бюджета СССР”, Н.Н. Ровинский в этом же году был приглашен на юридический факультет МГУ для чтения лекций по финансовому праву. Заметим в скобках, что в 30–40-е годы наука

советского финансового права прозябала, имея нескольких доцентов в стране и не имея ни одного профессора — доктора наук. Позднее М.И. Пискотин, в будущем видный ученый в области финансового права, оглядываясь на эти десятилетия, скажет, что “наука финансового права — одна из самых отстающих отраслей советской юридической науки”⁸. Но он не назовет причину этого явления: постоянные гонения на науку финансового права и фактический разгром в 30-е годы в смысле ее дискредитации и уничтожения кадров.

На рубеже 30–40-х годов среди ученых — финансистов и юристов-финансистов выделяются М.А. Гурвич, Е.А. Ровинский, Н.Н. Ровинский, А.О. Шварцман. Институт права АН СССР в августе 1938 г. поручает Гурвичу составление программы советского финансового права для учебных юридических заведений и написание коллективного учебника под его редакцией по данной дисциплине. Поручения были в заданный срок выполнены. В 1940 г. под общей редакцией М.А. Гурвича выходит первый советский учебник финансового права⁹.

Вехи биографии М.А. Гурвича. Не преувеличивая заслуг Гурвича перед советской наукой финансового права, я, тем не менее, утверждаю, что он (наряду с Е.А. Ровинским, хотя последний в возрастном и научном отношении шел вторым) стоял у истоков данной науки, а потому может называться условно ее “патриархом”. Это доказывает как его учебная, так и в особенности научная деятельность. В качестве главного редактора Гурвич возглавил коллектив авторов первого советского учебника финансового права, соответствующего советским идеологическим стандартам. Он написал и издал в 1952 г. учебник финансового права, по модели которого в течение длительного времени писались последующие советские учебники.

Михаил (Мейлах) Абрамович Гурвич родился 6 мая 1896 г. по старому стилю в мещанской еврейской семье в г. Вильно. Отец, работавший часовых дел мастером, смог обеспечить сыну посильное образование. Михаил с 12-летнего возраста после окончания народной (в те времена “начальной”) школы работает рабочим на граммофонной фабрике в г. Вильно и одновременно учится на дому по гимназической программе. Как он писал в автобиографии, с этого времени “началась моя самостоятельная жизнь”¹⁰.

⁶См.: Телицын В.Л. И.Х. Озеров. Жизненные испытания русского ученого // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 318.

⁷См.: Кроткова Н.В. Государственно-правовые взгляды С.А. Котляревского. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 15, 16; *Ее же*. Государственно-правовые взгляды С.А. Котляревского. М., 2011. С. 11; *Ее же*. С.А. Котляревский как представитель советской юридической науки // Финансовое право и управление. 2014. № 3. С. 187. DOI: 10.7256/2310-0508.2014.3.13560

⁸Пискотин М.И. Рец. на учебник М.А. Гурвича “Советское финансовое право” (М., 1952) // Сов. гос. и право. 1953. № 2–3. С. 166.

⁹См.: Финансовое право. Учеб. / Общ. ред.: М.А. Гурвич. М., 1940.

¹⁰Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34 л. Ед. хр. 2276, 2277.

Уже в раннем подростковом возрасте в характере нашего героя обнаруживается замечательная черта: трудясь на любом поприще и зарабатывая деньги, он одновременно обязательно учится. В 1912 г. Гурвич сдает экзамен на звание аптекарского ученика, а через год — экзамен за шесть классов гимназии и получает диплом об ее окончании. Он много читает, окружающие удивляются его знаниям и способностям. По уровню своей подготовки молодой Гурвич давно готов к поступлению в университет. Но ему нужны для этого деньги. Он приступает к работе учителем в народной школе. Не забудем отметить еще одну замечательную его черту, скорее талант: это — прирожденный педагог; объяснять материал и передавать знания другим — его стихия, в которой он пребывал до конца жизни. Передача знаний другим — трудное дело. По Гегелю, это — гениальный дар. Гурвич этим даром прекрасно владеет и, забегая вперед, рискнем сказать: возможно, из-за этого дара он не смог защитить докторскую диссертацию, откладывая работу над ней и защиту на завтра и послезавтра.

Гурвич нейтрально относится к бурным событиям, происходившим в стране в 1917–1918 гг., даже дистанцируется от них. В 1919 г. его призывают в Красную Армию. Будучи на военной службе, используя свободное время, Гурвич в 1921 г. поступает на вечерний факультет в Московский государственный университет на финансово-экономическое отделение общественного факультета. Здесь он изучает следующие дисциплины: политэкономию, теорию статистики, экономическую политику СССР, науку о финансах (учение о деньгах), государственное устройство СССР, гражданское право, общее счетоведение, государственное право, денежное обращение, историю народного хозяйства. В свидетельстве об окончании университета будет обозначена полученная специальность: “финансы”.

В 1923 г. Гурвича демобилизовали и по окончании университета в 1924 г. его направляют на работу в финансовый отдел ВСНХ РСФСР. Он по специальности — экономист-финансист. Специалисты такого профиля как в 20-е, так и в 30-е годы, нарахват. Тем более руководство страны заинтересовано в специалистах, получивших образование в советское время. В начале 30-х годов его приглашают на работу в Наркомат финансов РСФСР, но уже в 1939 г. приказом наркома финансов СССР Гурвич переводится на работу в Наркомфин СССР. В начале Великой Отечественной войны он был приглашен на работу старшим консультантом отдела финансов Госплана СССР¹¹. Гурвич — отличный кон-

сультант по финансовым вопросам, его авторитет очень высок, его консультации ценятся. Однако по служебной лестнице вверх дорога ему закрыта. Он — беспартийный, хотя коммунисты постоянно и везде “кричат” о блоке коммунистов и беспартийных.

Читая автобиографию Гурвича, личный листок по кадрам, обозревая жизненный путь, удивляешься его неисчерпаемой энергии. Начиная с 1929 г. Михаил Абрамович до конца своей жизни, несмотря на работу в финансовых органах власти, преподает в нескольких вузах Москвы по специальности “финансы” и “финансовое право”: в Институте советского строительства при Президиуме ВЦИК, Институте прокуратуры, на факультете права Московского университета им. М.В. Ломоносова. С 1938 по 1941 г. Гурвич состоит старшим научным сотрудником в финансовом секторе Института права АН СССР. В послевоенное время он работает в Московском юридическом институте и в Высшей офицерской школе МВД СССР. В 1938 г. Высшей аттестационной комиссией при СНК СССР М.А. Гурвич утвержден в ученном звании доцента по кафедре “Финансы”, что позволяло вести в учебных заведениях курс финансового права и бюджета¹². В 1946 г. он переходит на постоянную педагогическую работу в Московский юридический институт.

У М.А. Гурвича большой опыт работы в финансовых учреждениях, его лекции и семинарские занятия интересны по содержанию. Студенческая аудитория высоко ценит синтез теории и практических знаний. К сожалению, не везде у Гурвича складываются гармоничные отношения. Грозовые тучи, нависшие над советской интеллигенцией после войны, особенно на рубеже 40–50-х годов, не прошли мимо героя этой статьи. Атмосфера в стране тяжелая, идет борьба с космополитизмом. В личном деле М.А. Гурвича, находящемся в архиве МГУ, имеется докладная записка начальника Высшей офицерской школы МВД СССР Анисимова от 7 октября 1949 г. начальнику управления юридических вузов МВД СССР тов. Федокину, в которой сообщалось о том, что доцент М.А. Гурвич, привлекаемый в 1947–1949 гг. к лекциям по финансовому праву, допускал в лекциях “грубые извращения и ошибки”¹³. И далее, усиливая тон, продолжал: «М.А. Гурвич читал лекции на низком идейно-политическом уровне, допуская грубые извращения существа советского финансового права, зачастую излагал материал не с научных, марксистских позиций, а “объективистски”, космополитически, не проводил резкой грани между советским и буржуазным

¹¹ См.: там же. Ф. 1. Оп. 34 л. Ед. хр. 2277–2279.

¹² См.: там же.

¹³ Там же.

финансовым правом, а порой фактически отождествлял их... Ни в одной своей лекции Гурвич даже не упоминает о руководящей роли большевистской партии в осуществлении финансовой политики Советского государства». В качестве примера автор докладной записки приводит следующее высказывание Гурвича о методах организации властью колхозов: «Обложение налогами проводилось таким образом, чтобы всемерно стимулировать, способствовать переходу единоличников в колхозы»¹⁴.

Однако оценку своих лекций со стороны руководства школы МВД Гурвич встретил с достоинством и в категорической форме отверг ее. В объяснительной записке он не согласился с замечаниями и обвинил руководство школы МВД в политической неграмотности. После этого информация о лекциях Гурвича была препровождена из Высшей офицерской школы МВД СССР в Московский юридический институт, в котором Гурвич работал на штатной основе. Директор института профессор Шнейдер в ответном письме указал, что лекции Гурвича при проверке их качества идеологически были признаны марксистскими. По словам директора МЮИ, лекции Гурвича «слушаются с большим вниманием», в процессе их чтения он умело сочетает «теоретические знания с большим опытом практической работы»¹⁵.

Учебник советского финансового права издания 1952 г. Работая в Московском юридическом институте штатным преподавателем финансового права, Гурвич располагал свободным временем и мог подумать о своем научном статусе. В 1949 г. он занял место ученого секретаря диссертационного совета института, и мысли такого рода все чаще стали приходить в голову. На защитах диссертаций М. А. Гурвич встречал и слушал таких крупных ученых-юристов, как С.С. Каринский, А.Н. Трайнин, М.Д. Загряцков, Н.Г. Александров, И.С. Перетерский и др. Научный капитал Гурвича к моменту перехода исключительно на преподавательскую деятельность, несмотря на заслуги в выпуске под его редакцией первого советского учебника финансового права в 1940 г., был весьма скромным и представлял ряд статей в журналах «Советское государство и право»¹⁶, «Финансы СССР»¹⁷ и небольшую по объему (76 с.) монографию «Основные вопросы советского финансового права»,

написанную совместно с доцентом А.О. Шварцманом¹⁸. Внутренне он был высокого мнения о собственном творческом потенциале и с некоторой горечью полагал, что в 50-летнем возрасте ему давно пора быть доктором юридических наук.

Прежде всего Гурвичу хотелось выпустить свой учебник финансового права, содержание которого годами складывалось у него в голове в процессе чтения лекций в разных вузах Москвы. Два коллективных учебника издания 1940 г. под его редакцией и издания 1946 г. под редакцией Н.Н. Ровинского, по которым работали преподаватели и изучали финансовое право студенты, были далеко не совершенными. Оба учебника правильно отграничивали финансовое право от финансово-экономических знаний и смежного гражданского права, но рецензенты дружно отмечали отсутствие полноценной теоретической части. Недостатки, по мнению Гурвича, имелись в каждом из учебников в освещении бюджетного права, особенно бюджетного процесса.

После выпуска учебника планировалась защита докторской диссертации по бюджетному праву. Выбор темы диссертации объяснялся двумя причинами: 1) бюджетное право давно интересовало Гурвича, и по данному правовому институту был накоплен значительный материал, который требовал систематизации; 2) учитывался конъюнктурный аспект, так как бюджетные диссертации в СССР признавались наиболее актуальными.

Работа над учебником финансового права шла достаточно быстро, и в 1952 г. он появился на полках книжных магазинов. Для Гурвича это был звездный час. Внутренне он оценивал его по качествам выше предшествующих советских учебников издания 1940 г. под его редакцией и издания 1946 г. под редакцией Н.Н. Ровинского. Но ученые-коллеги по цеху юристов-финансистов в лучшем случае встретили выход учебника Гурвича сдержанно. В СССР, как, впрочем, и в настоящее время нельзя иметь другого базового образования, как только такое, по которому человек защищает кандидатскую или докторскую диссертацию. Адам Смит по базовому образованию был философом, но получил мировую известность благодаря экономическому труду. Никто из критиков не упрекал его в недостатках экономического образования. Гурвичу в рецензиях не раз напоминали, что он больше финансист, чем юрист. В известной степени на этом упреке была

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Гурвич М.А. О некоторых вопросах бюджетного права СССР // Сов. гос. и право. 1940. № 7.

¹⁷ Гурвич М.А. О бюджетных правах Советов // Финансы СССР. 1940. № 5–6.

¹⁸ См.: Гурвич М.А., Шварцман А.О. Основные вопросы советского финансового права. Сост. по мат-лам лекций, читан. т. Гурвич М.А. на Курсах повышения квалификации правовых работников авиац. пром-сти. М., 1940.

построена подготовленная молодым М. И. Пискотиным рецензия на учебник М. А. Гурвича¹⁹.

Хотя рецензия Пискотина была отрицательной и, как я думаю, крайне несправедливой, заданной сектором государственного права Института права АН СССР, учебник Гурвича был новаторской работой, талантливо написанной, содержащей финансово-правовые знания, какие были студенческой аудитории. Учебник характеризуется солидной теоретической частью, охватывающей первые три главы. Автор не подразделяет материал на Общую и Особенную части, но первые три главы можно отнести к общим знаниям или знаниям “чистого разума”, как сказал бы Кант. Данные знания предшествуют другим знаниям, которые являются нормативными и имеют практическую направленность. Теоретические знания организуют практические. Так, глава “Советские финансовые акты” подразделяет их в § 1–2 на три группы: нормативно-правовые, индивидуальные и финансово-плановые. Нормативно-правовые — это законы и подзаконные акты, например Закон о сельскохозяйственном налоге, принятый Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 г.²⁰ Индивидуальные финансовые акты — акты, издаваемые на основе нормативных актов, которые “направлены непосредственно на возникновение, изменение или прекращение финансовых правоотношений”. Примером такого акта является налоговое извещение, адресованное финансовым органом конкретному налогоплательщику. Наконец, финансово-плановые акты — это юридические акты, на основе которых планируется, направляется и развивается хозяйственная жизнь страны. Это — бюджеты, кассовые планы, кредитные планы²¹. Такой классификации, наводившей порядок в системе финансово-правовых актов, не видим ни в учебниках издания 1940 и 1946 гг., ни в учебнике финансового права С. А. Котляревского 1925 г., ни в учебниках, изданных до 1917 г. Данная классификация перешла в последующие учебники финансового права и сохраняется до настоящего времени.

Теоретическая часть учебника обогатилась такой категорией, как “финансовая деятельность государства”. Отметим, что такое выражение встречалось в сочинениях других ученых, в частности в капитальной работе И. Е. Андреевского “Полицейское право”, но у него оно всего-навсего словосочетание, объединяющее

грамматически и по смыслу несколько слов²². У Гурвича это — новая категория, имеющая, несмотря на теоретический характер, объективное содержание и обозначающая конкретную финансовую реальность во всех ее связях и закономерностях. Эта новая категория определялась в учебнике как деятельность Советского государства в области мобилизации денежных ресурсов, их распределения между фондами и их расходования в целях осуществления функций государства. Автор при этом указывал на основание финансовой деятельности государства — денежное обращение. Он писал: “Финансовая деятельность... обусловлена использованием Советским государством денег как всеобщего эквивалента, наличием товарного обращения, сфера действия которого ограничена предметами личного потребления. Финансовая деятельность Советского государства направляется коммунистической партией и осуществляется финансово-кредитными органами (Минфин СССР, Госбанк СССР и др.)”²³. Появившееся впервые в учебнике Гурвича, обработанное им более основательно в переизданном учебнике 1954 г. “финансовая деятельность государства” как фундаментальное теоретическое понятие стало частью понятийного аппарата советской и постсоветской науки финансового права, имело немало эпигонов в сфере научной деятельности.

Практическая (Особенная) часть учебника Гурвича издания 1952 г. включает в себя 20 глав, которые содержат следующие правовые институты: бюджетное право, налоговое право, государственный кредит и сберегательное дело, правовое регулирование расходов, эмиссионное право Государственного банка, правовое регулирование денежного обращения, финансовый контроль²⁴.

Правильным, интересным и оригинальным является подход Гурвича к теме бюджетного процесса, подразделяемый в учебнике на две главы: одна глава содержит знания о первых трех стадиях, вторая глава посвящена исполнению бюджета и отчета об исполнении. Исполнению бюджета, особенно его расходной части автор уделяет особое внимание, рассматривая ее как главную стадию бюджетного процесса и как центральный пункт финансового права, куда поступают доходы государства и откуда осуществляются расходы. Для автора расходная часть исполнения бюджета, как сказал бы Мефистофель в “Фаусте” Гете, — “центр

¹⁹ См.: Пискотин М. И. Указ. соч. С. 166.

²⁰ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 32.

²¹ См.: Гурвич М. А. Советское финансовое право. М., 1952. С. 97–100.

²² См.: Андреевский И. Е. Полицейское право. В 2-х т. Т. 1. Введение и ч. 1. Полиция безопасности. СПб., 1871. С. XI.

²³ Гурвич М. А. Советское финансовое право. М., 1954. С. 17.

²⁴ См.: там же. С. 320–324.

всего творенья”²⁵. В анализируемом учебнике видим не уравнивание стадий бюджетного процесса и поверхностно-беглое изложение главной (творческой) стадии, но ее внимательное изучение.

Удивляет в учебнике Гурвича неожиданно смелое для того времени использование в разделе о “бюджетных правах Союза ССР” метода сравнительного правоведения. Рядом с анализом бюджетных прав Союза ССР и союзных республик проанализированы в отдельном параграфе бюджетные права капиталистических государств. Такой подход в обучении, несомненно, расширял финансовый кругозор читателей учебника, которыми были студенты и преподаватели.

Содержательна и интересна в смысле новизны гл. 19 учебника Гурвича, где автор, анализируя правовое регулирование денежного обращения в СССР и правовой статус Государственного банка СССР, обращает внимание на категорию, о которой, пожалуй, никто ни в одном учебнике финансового права не говорил. Категория эта — эмиссионное право. Правда, категория рассматривается узко, как субъективная и как функция Госбанка СССР. Но само выражение “эмиссионное право” замечательно с семантической точки зрения, так как оно заставляет мышление творчески работать. От субъективного понимания категории “эмиссионное право Госбанка” до ее объективного осмысления оставался всего лишь шаг, и он был сделан на рубеже XX–XXI вв. Эмиссионное право стало рассматриваться как один из правовых институтов финансового права²⁶, а затем подотраслей финансового права.

Учебник финансового права издания 1952 г. характеризовался положительно тем, что изложение материала в нем подчинялось логическим законам. Система отрасли финансового права при обзоре ее правовых институтов была выстроена правильно. В истории советского финансового права учебник Гурвича — последний, в котором институт финансового контроля занимал свое естественное завершающее место.

Оценивая учебник Гурвича, можно назвать еще одно достоинство — отсутствие чрезмерного цитирования работ Ленина и Сталина. Между тем учебник написан в 1952 г., когда сталинские репрессии продолжались, а культ личности вождя достиг апогея. Какую бы научную работу человек

не писал в это время, он обязан был использовать работы “отца народов” и ссылаться на них. В дореволюционной литературе встречалась статья философа И.И. Лапшина о “трусости в мышлении”, которую, как утверждал автор, не могли избежать крупные мыслители уровня И. Канта, осторожно критиковавшего церковь²⁷. Для советской общественной мысли такого рода боязнь была типичной, хотя осуждать людей за это трудно. В период правления Сталина атмосфера страха сковывала все советское общество. Так, в автореферате кандидатской диссертации М.Л. Когана находим девять сносок, и все исключительно сделаны на работы Сталина²⁸.

Учебник Гурвича, имея успех в студенческой и преподавательской среде, был быстро раскуплен и в 1954 г. переиздан. Почти в течение 10 лет в СССР сотни и тысячи студентов юридических учебных заведений учили финансовое право и сдавали экзамены по учебнику Гурвича. Только в 1961 г. его заменит другой учебник, написанный коллективом авторов под редакцией Е.А. Ровинского.

Оценка научной деятельности М.А. Гурвича. После смерти в июне 1953 г. профессора Н.Н. Ровинского, читавшего лекции по финансовому праву на дневном отделении юридического факультета МГУ, на его место был приглашен М.А. Гурвич. Последний уже работал здесь по совместительству и как лектор пользовался большим авторитетом. Приказом проректора МГУ профессора И.К. Верещагина от 28 августа 1954 г. М.А. Гурвич был зачислен на должность доцента кафедры административного и финансового права юридического факультета с окладом 3200 руб. в месяц в порядке перевода из Московского юридического института²⁹.

Обозревая 50-е годы в жизни Гурвича, их можно разделить на две части: первая половина складывалась для него если не триумфально, то весьма успешно как в научном, так и в служебном отношении. Успех изданного в 1952 г. и переизданного в 1954 г. учебника, а затем приглашение работать и читать лекции в Московском государственном университете обеспечили ему место ведущего ученого в стране в области финансового права.

²⁵ Гете. Фауст. М.—Л., 1940. С. 53.

²⁶ См.: Бельский К.С. Финансовое право. Наука, история, библиография. М., 1995. С. 70; Его же. Эмиссионное право как правовой институт финансового права // Гос. и право. 2006. № 5.

²⁷ См.: Лапшин И. О трусости в мышлении. Приложение 1-ое // Лапшин И. Законы мышления и формы познания. СПб., 1906. С. 318, 319.

²⁸ См.: Коган М.Л. Бюджетные права союзных республик. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1952.

²⁹ См.: Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34 л. Ед. хр. 2278–2280.

Однако вторая половина 50-х годов оказалась более чем неудачной, более того — катастрофической. Ответственная работа в финансовых органах власти, особенно в Госплане СССР, и наряду с ней постоянная по совместительству преподавательская деятельность сразу в нескольких вузах не могли не отразиться на здоровье Гурвича. Кардиологи констатировали прогрессирующую болезнь сердца. Тяжело переживал Гурвич разрыв товарищеских отношений с доцентом Е.А. Ровинским, преподавателем финансового права ВЮЗИ. В 1953 г. они издали небольшую по объему совместную монографию «Советское финансовое право». Однако уже в 1955 г. на защите Е.А. Ровинским докторской диссертации на юридическом факультете МГУ Гурвич, выступая в качестве неофициального оппонента, оценил диссертацию бывшего товарища отрицательно, обвинив его в заимствованиях из чужих работ, в том числе из своей, без сносок на работы авторов.

В ноябре—декабре 1957 г. у Гурвича неожиданно начались неприятности на работе. Бухгалтерия Московского университета подняла вопрос о незаконном получении Гурвичем заработной платы по чужой ведомости. Разразился скандал, после которого последовал обширный инфаркт, и Гурвичу пришлось на длительное время лечь в больницу. В феврале 1958 г. он появился на работе, но первые прочитанные лекции вызвали обострение болезни, и врачи посоветовали оставить работу. 1 апреля 1958 г. Гурвич был уволен согласно личному заявлению³⁰. Здоровье продолжало ухудшаться. Гурвич не мог не работать, и в краткие периоды улучшения здоровья возился с рукописью докторской диссертации. Но болезнь победила, и в январе 1960 г. он умер.

После смерти в московских кругах, близких к науке финансового права, начались пересуды, сводившиеся к разбору скандального происшествия. Мало кто вспоминал, что Гурвич стоял у истоков возникновения и развития советской науки финансового права. Забыли о том, что по его учебнику финансового права продолжают изучать эту отрасль права студенты дневного, вечернего и заочного отделений юридических учебных заведений. Если советоваться с Господом Богом, то, думаю, он признает главным событием в его жизни не скандал в МГУ, оборвавший жизнь, а издание в 1952 г. и переиздание в 1954 г. учебника, написанного интересно, содержательно и логично.

Человек грешен — и выдающийся по своим научным, политическим и литературным результатам, и видный деятель, который известен в своей стране, и рядовой. Это — одна из сторон человека: быть слабым, грешным. Известно, что Фрэнсиса (англ. Francis) Бэкона знают не только как великого английского философа, но и как вельможу первого ранга при дворе короля Якова I. В отсутствие короля, уехавшего в родную Шотландию, парламент, имевший неоспоримые доказательства, предъявил Бэкону обвинение в крупном взяточничестве, на что он не мог ничего ответить. По приказу спикера парламента Бэкон был тут же арестован и отведен стражей в парламентскую тюрьму. Возвратившийся из поездки король, имея на это право, освободил его и даже оставил место в парламенте. Но морально Бэкон был сломлен, болел и через год умер.

Известный немецкий историк философии К. Фишер, завершая очерк о Ф. Бэконе и оценивая его как великого философа, заключает: «Элемент науки сам по себе чист». В настоящей науке, по его мнению, нет «позорной подкупности»³¹. Несомненно, что М.А. Гурвич и Ф. Бэкон — исторически разные по масштабам фигуры, но ситуации, неожиданно возникшие в конце жизни каждого, крайне похожи. Относительно Михаила Абрамовича Гурвича можно повторить слова К. Фишера: «Элемент науки в его работах сам по себе был чист».

М.А. Гурвич был дважды женат. Имел сына от первой жены — Софьи Михайловны Силиной, которая приходилась племянницей крупного ученого административиста и финансиста Матвея Дмитриевича Загряцкого. Думаю, что последний оказывал Гурвичу помощь в его научной работе, как он оказывал ее всем молодым ученым того времени: Р.О. Халфиной, М.И. Пискотину, М.Л. Когану и др.

В работе «Финансовое право. Наука, история, библиография»³², я отметил, что М.А. Гурвичу отечественная наука финансового права обязана появлением и обоснованием понятия «финансовая деятельность государства». Через некоторое время я получил из г. Иванова письмо от доцента Б.Н. Иванова, соавтора ряда учебников финансового права, вышедших в 60—70-е годы. Он писал: «Я Вам очень благодарен за то, что в своей работе добрым словом вспомнили моего учителя и научного руководителя по кандидатской диссертации Михаила Абрамовича Гурвича».

³¹ Фишер К. Франциск Бэкон Веруламский. Реальная философия и ее век. Соч. Фишера / Пер. Н. Страхова. СПб., 1867. С. 19, 20.

³² Бельский К.С. Финансовое право. Наука. История. Библиография. С. 56.

³⁰ См.: там же.